

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

Т.А. Шаклеина*

ЭВОЛЮЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ США (2001—2011)

Термин «американское глобальное лидерство» широко используют в официальных документах США, научных публикациях и материалах СМИ. Глобальное лидерство Америки объявлено жизненно важным для мирового развития. Однако пропагандируемое Соединенными Штатами «безальтернативное лидерство» по своему содержанию и формам реализации больше соответствует гегемонии и не принимается всеми ведущими мировыми державами. После терактов 11 сентября 2001 г. силовой компонент в политике республиканского руководства США усилился, однако и с приходом к власти демократов в 2009 г. тенденция к военно-силовому глобальному регулированию не ослабла.

Ключевые слова: США, американское глобальное лидерство, гегемония, мировой порядок, великие державы, глобальная стратегия США, Б. Обама, Дж. Буш-мл.

Термин «американское глобальное лидерство» употребляют во всех официальных документах, научных публикациях, материалах СМИ США и представляют его как данность, с которой мир жил и продолжает жить в XXI в. и без которой он скатится к хаосу. В российском политико-академическом сообществе также очень часто все происходящее в мире рассматривают через призму постулатов об американском безальтернативном лидерстве, не давая четкого определения данного явления вообще и применительно к Соединенным Штатам в частности. Однако возникает вопрос: правомерно ли считать деятельность США лидерством, к тому же безальтернативным? Тот факт, что Вашингтон именно так видит свою роль в мире (мессианство и лидерство — неотъемлемая часть американской политической культуры и политического лексикона), на наш взгляд, не означает, что это является непреложной истиной, особенно для ведущих мировых держав.

Соединенные Штаты, разрабатывая глобальную стратегию, стараются максимально усилить американский фактор в мировой политике, сформировать наиболее выигрышный для себя порядок. Прошло уже достаточно времени после распада биполярности, чтобы дать оценку деятельности США и результатам их усилий

* Шаклеина Татьяна Алексеевна — д.п.н., заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД РФ (e-mail: shakleina-tania@yandex.ru).

в строительстве нового мирового порядка. Представленный анализ — это обобщение оценок самих американцев, положений американских внешнеполитических документов и аналитических докладов, подготовленных «мозговыми центрами» Соединенных Штатов.

* * *

В первую очередь необходимо обозначить ту систему координат, в которой проведен анализ деятельности США. Мы исходим из того, что лидерство и гегемония — это две формы реализации тем или иным государством своих интересов в строительстве мирового порядка.

Лидерство существует только тогда, когда мир находится в состоянии структурной перестройки или действительно катится к хаосу, что требует проведения преобразований на глобальном уровне [1], при этом большая часть или все ведущие мировые державы признают такую необходимость и делегируют лидерскую роль одному из государств. Иными словами, необходимо добровольное (или вынужденно добровольное) желание следовать за лидером и помогать ему в реализации предложенного им плана (например, глобального либерально-демократического преобразования мира); недопустимо прямое подавление тех, кто не входит в сферу влияния лидера и не согласен с предложенным видением мирового порядка.

Гегемония — это тоже форма лидерской политики, однако она не предусматривает достижения согласия. Это сложение двух начал — влияния и главенства, переходящего в господство над миром с неизбежными элементами диктата и/или подавления несогласных. В отличие от лидерства, которое требует легитимации (признания и учреждения таких институтов и норм, которые бы обеспечивали и поддерживали лидера), гегемония, как правило, нелегитимна с точки зрения международного права и интересов отдельных государств. Гегемон не нуждается в легитимации, но может пытаться добиться этого, что сопряжено с серьезными конфликтами на разных уровнях.

Глобальная стратегия США

Анализ внешнеполитических стратегий администраций У. Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы позволяет провести классификацию на основе категорий лидерства и гегемонии. Как было отмечено, глобальное лидерство одного государства пока остается желаемой (во всяком случае, со стороны Вашингтона), но недостижимой формой мирового управления, поэтому глобальная стратегия США после окончания периода биполярного порядка может быть оха-

рактирована как силовое регулирование с элементами коллективизма (США + НАТО и ЕС) или как гегемония: либеральная при администрациях У. Клинтона и Б. Обамы и жесткая при администрации Дж. Буша-мл.

Сами американцы определяют стратегию при демократических администрациях как лидерство, а при республиканцах — как гегемонию. Часто взгляды либеральных (и нелиберальных) и консервативных (и неоконсервативных) политологов и политиков совпадали, когда речь шла о содержании и методах реализации американских планов, градации приоритетов, поэтому официальные стратегии национальной безопасности США представляют собой идейный симбиоз, отличия заметны в словесном оформлении: у демократов больше слов о демократии, коллективизме, дипломатии, у республиканцев чаще фигурируют угрозы безопасности страны, враги США. Однако и демократы, и республиканцы оказались едины в вопросе о том, как использовать военную силу для реализации глобальной стратегии: не только для защиты американских интересов, но и для преобразования мира в направлении либеральной демократии.

Доктрина Клинтона

В 1990-е гг., период нахождения у власти президента У. Клинтона, популярным был тезис о том, что Соединенные Штаты являются последней сверхдержавой в истории человечества и их миссия состоит в подготовке и утверждении нового мирового порядка до полного торжества нового типа международных отношений. Доктрину Клинтона можно было характеризовать как «благожелательную, скрытую или мягкую» гегемонию [6, с. 97—135]. Однако уже к концу деятельности демократов многие американские политологи-реалисты обращали внимание на то, что после окончания эпохи биполярного порядка выстраивание системы международных отношений в виде пирамиды с Соединенными Штатами наверху не отражало реального состояния международных отношений, так как с распадом биполярной структуры начались необратимые процессы в различных регионах мира, приведшие к появлению и укреплению центров силы разной мощи. Факт уникального положения США как единственной сверхдержавы аналитики не рассматривали как показатель однополярности или моноцентричности мира, важнейшим фактором для обеспечения стабильности мировой системы по-прежнему считали баланс между ведущими мировыми державами, что в администрации У. Клинтона принимали неохотно.

Один из критиков доктрины «благожелательной», или «скрытой» гегемонии С. Хантингтон обращал внимание на действия, по его мнению, свидетельствовавшие о том, что США вели себя как гегемон, не желавший считаться с другими странами [21, р. 45—47]:

- принудительное внедрение американских ценностей и институтов демократии;
- оказание жесткого противодействия наращиванию обычных вооружений в других странах, с тем чтобы они не смогли составить конкуренции американским обычным вооруженным силам, притом что США и НАТО не давали гарантий безопасности и защиты странам, не входящим в Североатлантический альянс;
- нарушение принципа государственного суверенитета, вмешательство во внутренние конфликты отдельных государств, где США стремились насаждать американскую модель демократии и экономики, свои моральные и культурные ценности;
- продвижение американских корпоративных интересов под прикрытием лозунга о свободной торговле;
- оказание давления на политику Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития для продвижения корпоративных интересов США;
- вмешательство в конфликты, в которых США не имели прямых интересов;
- оказание давления на другие страны в целях навязывания им экономической и социальной политики, выгодной прежде всего Соединенным Штатам;
- расширение американской торговли оружием при одновременном проведении политики, направленной на ограничение возможностей других стран в этой области;
- оказание давления на выборы Генерального секретаря ООН, притом что США отказываются выплачивать свои взносы в эту организацию;
- расширение НАТО за счет трех восточноевропейских государств, манипулирование стремлением других европейских стран вступить в альянс.

Отдельные эксперты высказывали мысль о том, что за фасадом американских деклараций об очередном «крестовом походе» в защиту прав национальных меньшинств кроется вполне определенное стремление создать предпосылки для вмешательства во внутренние дела отдельных государств, где существуют этнические противоречия, и тем самым исподволь добиваться ослабления тех региональных держав, усилению которых Соединенные Штаты хотели бы помешать. Так, политологи обращали внимание на то, что жесткая наступательная политика США с использованием военной силы в бывшей Югославии преследовала две основные цели: во-первых,

продемонстрировать действенность и незаменимость НАТО, а во-вторых — на практике отработать технику проведения операций по урегулированию этнических конфликтов, когда войска альянса вступают на территорию суверенного государства, т.е. НАТО фактически вмешивается во внутренние дела страны и нарушает ее суверенитет [13, р. 5—7].

Основные положения доктрины Клинтона были сохранены и развиты администрациями Дж. Буша-мл. и Б. Обамы.

Доктрина Буша

Дискуссии о глобальной миссии США активизировались в 2000 г. в ходе подготовки и проведения очередных президентских выборов. Установилось определенное согласие среди политиков и внешнеполитических экспертов относительно глобальной цели, методов осуществления глобальной стратегии и объектов реализации американских интересов и могущества, просматривалось стремление не допустить, чтобы какое-либо государство или группа государств смогли стать препятствием на пути осуществления планов США во всех сферах международных отношений [см., например: 35].

Республиканцы и демократы представили внешнеполитические программы, в основу которых были положены сходные идеи. Обе партии признавали, что Соединенные Штаты — мировой лидер, на котором лежит ответственность за будущее международного развития; американские ценности и институты не имеют конкурентов, и их распространение должно стать основной задачей американского руководства; США являются сверхдержавой в военной, экономической, политической, информационной, культурной областях и должны закрепить существующее положение [3, с. 36—49, 136—151; 6].

В платформе Демократической партии и других предвыборных документах демократов было записано, что Америка — страна с самыми сильными и жизнеспособными моральными ценностями. В случае победы партия собиралась продолжать политику по осуществлению основной миссии США — доказать всему миру, что законы, по которым живет американское общество, универсальны и совершенны, и следование им может обогатить и облагородить народы других стран, помочь построить мировой порядок, базирующийся на основных американских ценностях, обеспечить развитие демократии в мире.

В платформе Республиканской партии основополагающими были положения о том, что мир однополюсен, США — единственная сверхдержава, американские демократические институты и ценности — самые передовые и наиболее привлекательные для других

стран, желающих идти по пути прогресса, рыночной экономики и демократии. На основе этих положений была сформулирована основная цель внешней политики США — закрепить победу в «холодной войне» и сконструировать современный международный порядок таким образом, чтобы он отвечал идеалам и интересам Америки, сохранял ее лидерство, позволял ей оказывать максимум влияния на все мировые процессы, в первую очередь в жизненно важных регионах, а также на отдельные страны. В более конкретном изложении эта цель сводится к следующему: сделать все, чтобы продлить сложившееся благоприятное для США положение, еще более укрепить американские позиции в мире, создать условия, при которых вызовы (или угрозы) их политическому, экономическому и военному могуществу были бы сведены к минимуму и США могли бы в течение весьма продолжительного периода эффективно противодействовать новым вызовам в случае их появления.

Республиканцы, как и их предшественники демократы, заявили, что XXI век будет веком Америки, благословенным для нее, и любые попытки подорвать могущество США либо угрожать им Вашингтон будет нейтрализовать или пресекать всеми доступными способами. Вопросы обороны и безопасности заняли основное место в деятельности администрации Дж. Буша-мл., по крайней мере в первые два года.

К началу XXI в. верх одержал компромиссный вариант глобальной стратегии США, в котором сочетались элементы «мягкой» и «жесткой» гегемонии, в американской интерпретации именованной глобальным лидерством.

Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. положили конец десятилетнему периоду относительно спокойного для Соединенных Штатов управления миром, оказали серьезное влияние на политическую ситуацию в стране и на деятельность республиканской администрации. Если сначала не было речи о написании абсолютно новой доктрины, то после террористических актов сторонники жесткой политики получили весомый аргумент для создания новой стратегии, где могли бы воплотиться идеи «жесткой» гегемонии.

Президент Дж. Буш-мл. в Обращении к стране в январе 2002 г. заявил, что США получили уникальную возможность — стать страной, которая служит целям более высоким и значительным, чем собственно национальные интересы. По словам президента, события сентября 2001 г. напомнили американцам, что у них есть обязательства не только перед страной, но и перед историей, и они начали думать не столько о материальных вещах, сколько о том, что хорошего они могут сделать для остального мира [39].

Реакция руководства США на террористические атаки получила высокую оценку и либеральных, и консервативных экспертов. М. Макфол, заявивший о том, что действия президента Дж. Буша-мл. были превосходным ответом на теракты, предложил администрации свою концепцию внешней политики — «доктрину свободы». По мнению политолога, как и во время «холодной войны», основной миссией США стала борьба с одним из «измов» — терроризмом, и цель американской внешней политики — распространение свободы, только теперь препятствием является не коммунизм, а терроризм, также имеющий идеологическую основу. Время «крестовых походов», заявлял М. Макфол, не прошло, американская общемировая миссия не выполнена. Согласно его точке зрения, современный мировой порядок не может удовлетворить США, не позволяет им в полном объеме осуществить глобальную стратегию, претворить в жизнь «доктрину свободы». М. Макфол объявил Соединенные Штаты «ревизионистской державой» и призвал руководство страны к наступательной политике по изменению мирового порядка, чтобы доделать то, что не успел сделать Р. Рейган, так как во всех оставленных без внимания регионах и странах развилась автократия или появились «государства-изгои». По мнению М. Макфола, эта борьба будет такой же долгой, как и почти вековая борьба с коммунизмом [29].

События сентября 2001 г. усилили позиции неоконсервативных «ястребов» в администрации Дж. Буша-мл.: была объявлена война до победы, что оправдывало и облегчало осуществление глобальной силовой стратегии, предусматривавшей вторжение на территорию суверенных стран, насильственное свержение политических режимов, изменение международной системы безопасности. В «Стратегии национальной безопасности США» 2002 г. было записано, что Соединенные Штаты готовы воевать одновременно более чем в двух регионах мира и осуществлять превентивное применение военной силы (в том числе ядерного оружия) в случае угрозы со стороны государств, которые обладают оружием массового уничтожения (ОМУ) или разрабатывают его и в которых существует враждебный США и другим странам режим [30].

Вашингтон исходил из того, что международные организации и многосторонние соглашения неэффективны и в лучшем случае способны лишь затормозить процесс распространения ОМУ.

В соответствии с новой стратегией, получившей название «доктрина Буша», сдерживание потенциального противника должно было обеспечиваться гарантированной возможностью США перехватывать и уничтожать ядерное оружие, выпущенное из любой точки земного шара. Для выполнения этой задачи были возобновлены работы по созданию системы национальной противоракетной

обороны (ПРО). Дж. Буш-мл. принял решение выйти из Договора по ПРО 1972 г. и объявил об этом в декабре 2001 г., отвергнув возражения многих гражданских и военных экспертов. Таким образом, последние сдерживающие факторы для нового этапа гонки вооружений были устранены после прекращения действия данного Договора в июне 2002 г.

Внешняя политика США в начале XXI в. предстала крайне милитаризованной. Американская миссия получила новый мощный импульс и была сформулирована в универсалистских категориях. Объявленная война не имела географических пределов, нанесение превентивного удара Вашингтон рассматривал как неотъемлемую часть эффективной обороны страны. Несмотря на то что антитеррористическая операция США в Афганистане была поддержана многими странами, администрация Дж. Буша-мл. не отказалась от унилатерализма, неоднократно заявляла о независимости США от остального мира, готовности действовать в одиночку (ранее об этом говорили и демократы), не позволить интересам коалиции влиять на выполнение американской преобразующей миссии.

По оценке политолога Р. Такера, после сентября 2001 г., как и перед началом вьетнамской войны, в стране начал складываться консенсус по внешней политике, прежде всего при ответе на вопросы о том, каковы жизненно важные интересы Америки, когда угроза национальной безопасности оправдывает использование военной силы и как соотносится глобальная роль США по формированию порядка в нестабильном мире с войной против терроризма. Для республиканской администрации терроризм был угрозой не только национальной безопасности, но и создаваемому Соединенными Штатами мировому порядку, поэтому борьба с ним была объявлена частью американской глобальной миссии, которая допускала затраты, соответствовавшие грандиозности заявленных целей [40, р. 6]. Неуязвимость государства теперь понимали не как защищенность от любой угрозы, а как способность быстро восстанавливаться, опираясь на не имеющие себе равных человеческие, технологические и политические ресурсы [см.: 26].

Если действия в Афганистане можно было рассматривать как ответные, то вторжение в Ирак было осуществлено в соответствии с новой стратегией республиканцев: это была превентивная операция против страны, разрабатывавшей ядерные технологии, якобы имевшей ядерное оружие и потенциально угрожавшей Америке, а также против диктаторского режима в целях демократизации Ирака.

К президентским выборам 2004 г. Республиканская партия пошла с высокой самооценкой и стремлением продолжить победоносную демократизацию Ближнего и Среднего Востока (Большого Ближнего Востока). По оценкам республиканцев и многочисленных

экспертов, первый этап международной антитеррористической кампании, начатый в октябре 2001 г. в Афганистане и поддержанный большинством ведущих мировых держав и общественностью США, позволил выполнить часть задач: свергнуть режим талибов и привести к власти, как считалось, более демократическое и проамериканское руководство, прекратить гражданскую войну и снять угрозу распространения агрессивной политики талибов за пределы Афганистана. США укрепили свое военное присутствие в регионе, число американских военных баз неуклонно росло, распространяясь и на территории среднеазиатских стран — участников СНГ (Киргизии, Узбекистана). После военной операции в Ираке был свергнут режим Саддама Хусейна, в стране прошли выборы. Это позволило республиканским политикам говорить о победе, а простым американцам давало надежду на скорое окончание военной операции и вывод американских войск.

С позитивной оценкой деятельности администрации Дж. Буша-мл. выступали ведущие неоконсерваторы. Так, Р. Кейган в подтверждение правоты руководства страны приводил следующие аргументы. Во-первых, продвижение демократии по-американски — скорее норма, а не исключение, оно всегда присутствовало в политике США: «Любой, кто посмотрит на американскую историю, скажет, что распространение демократии на другие страны всегда имело место, часто после интервенции на их территорию, осуществленной для реализации совсем других планов». Во-вторых, унилатерализм всегда был характерен для политики США. Блоковая система времен «холодной войны» стала исключением, когда Вашингтон был вынужден пойти на это в силу геополитических обстоятельств. В-третьих, проведение превентивных акций всегда было частью американской политики, и вопрос состоит в том, как их осуществлять в новых условиях и кто будет санкционировать их проведение. «Дж. Буш не изобрел ничего нового, — писал Р. Кейган, — поэтому критики, отвергая стратегию республиканцев, отвергают исторически сложившиеся принципы и методы американской международной деятельности» [24].

Комментируя «стиль» Республиканской и Демократической партий, американские (да и многие российские) политологи обращали внимание на то, что демократы предлагали вариант стратегии лидерства «с человеческим лицом», сформулированный в категориях многосторонности, не торопились употреблять военную силу, более активно используя политику «выкручивания рук» (хотя и военные средства оставались в их арсенале). Республиканцы, напротив, открыто заявляли о приверженности стратегии американского превосходства (т.е. гегемонии) и военной силе, что после террористических актов звучало патриотично и понятно простым амери-

канцам. Идея американского превосходства (и в форме гегемонии, и в форме глобального лидерства) остается весьма популярной, особенно когда речь идет о продвижении американских моральных ценностей (демократии), что достигается разумными издержками (материальными и человеческими), а дивиденды превышают затраты.

Во время второго срока правления администрации Дж. Буша-мл. руководство страны оказалось зажатым между необходимостью выполнить две заявленные задачи — по демократизации мира и борьбе с международным терроризмом. Для решения второй задачи администрации пришлось сделать уступку на первом направлении, так как большинство стран Ближнего и Среднего Востока были далеки от демократии. По словам О. Энкарнасон, начало складываться впечатление, что США «использовали демократию в качестве хлыста для наказания отдельных своих врагов, например Ирака, одновременно продолжая деловые отношения с другими автократическими режимами-союзниками» [15].

В американском экспертном сообществе вновь стали обсуждать вопрос о необходимости учета интересов других великих держав и взаимодействия с ними, так как становился очевидным тот факт, что унилатерализм и гегемония наносят ущерб США и их престижу. Политологи предлагали сотрудничать с разными режимами, учитывать интересы и страхи всех участников мировой политики, идти на определенные уступки, как это делали американские лидеры в годы биполярного порядка, что позволило прожить полвека без крупной войны. Так, например, М. Ховард писал, что возврат к милитаризации международных отношений, рассмотрение возникавших проблем только как военных «выглядят скорее насмешкой, нежели уважением к достойным похвалы достижениям наших отцов» [20].

Однако в новом документе администрации Дж. Буша-мл. — «Стратегии национальной безопасности США» 2006 г. сохранилась прежняя установка на военно-силовое регулирование и гегемонию. Документ начинался словами «США находятся в состоянии войны» и содержал положение о том, что приоритетом для Вашингтона остается борьба с терроризмом до победы. В основу стратегии были положены распространение демократии, свободы и справедливости, уважения к правам человека путем борьбы с тиранией; сохранение лидерских позиций в противодействии глобальным угрозам. Таким образом, новая стратегия стала подтверждением приверженности военно-политическому силовому преобразованию мира, гегемонии как форме реализации американских интересов [31].

Политика по демократизации мира включала не только борьбу с терроризмом и авторитаризмом, но и усиленное наращивание военной мощи США, расширение военного присутствия в разных

регионах мира, возрождение острой конфронтационной модели в отношениях с рядом стран. Не было безоблачным и состояние американской экономики. Однако аналитиков больше всего настораживало то, что в мире за годы американской гегемонии не произошло сплочения вокруг Соединенных Штатов большинства ведущих мировых держав, влияние которых в мировой политике было весьма существенным и без взаимодействия с которыми продолжать глобальную стратегию в заявленных форме и масштабах было сложно.

К концу деятельности администрации Дж. Буша-мл. в стане ее критиков оказались очень авторитетные политологи, с мнением которых трудно было не считаться. Большой резонанс получили фундаментальные работы З. Бжезинского, К. Лэйна, Дж. Ная, Э. Басевича, Ф. Закарии, Ф. Фукуямы и других экспертов, которые подвели итоги международной деятельности США за весь период после окончания «холодной войны», уделив особое внимание последней администрации.

К. Лэйн, например, писал о том, что «политическая философия американского либерализма нетерпима к другим политическим идеологиям», является не «теорией мира», а скорее теорией «крестового похода», поэтому глобальная стратегия Соединенных Штатов, в основе которой либеральные идеи, — это «не стратегия мира, а стратегия, ведущая к конфликту». Он видел выход в политике «свободного балансирования» между разными центрами и в решении различных общемировых и региональных проблем совместными усилиями, что позволит США не только сэкономить силы, не перенапрячься, но и избежать провоцирования других государств на формирование оппозиции сверхдержаве. Важным для Соединенных Штатов он считал взаимодействие с Россией, Китаем и рядом других крупных мировых игроков [27, p. 118—122].

З. Бжезинский, подводя итоги правления республиканской администрации Дж. Буша-мл., определил восьмилетний период ее работы как «катастрофическое лидерство», «утраченный шанс» [11, p. 82].

К концу второго президентского срока Дж. Буша-мл. было очевидно: оптимистичные надежды на то, что политика США по преобразованию мира приведет к его гомогенизации и гармонизации, не оправдались. И дело не в том, что прошло слишком мало времени для таких выводов (ведь «крестовый поход» был объявлен на столетие), а в том, что реакция мира как объекта преобразования (по крайней мере большей его части) оказалась разноуровневой, разнонаправленной, масштабной (если принимать во внимание не только государства, но и сетевых игроков), прогрессирующей, требующей от Соединенных Штатов серьезных изменений в своем поведении и своей политике. Сверхдержава не могла более под-

талкивать других (весьма настойчиво и агрессивно) к унификации, глобализации, прозрачности, ограничению суверенитета и национальных интересов, оставляя за собой ничем и никем не ограниченные права и возможности, не желая меняться вместе с остальными.

В то время как мир становился более открытым, развивалась рыночная экономика и появлялись новые демократические институты (пусть и не совсем такие, которых требовал Вашингтон), росла взаимозависимость, обозначалась общность угроз и стремлений с ними бороться, Соединенные Штаты все более начали опасаться за свою безопасность, суверенитет, права, особый статус, стремясь создать абсолютную систему безопасности, внося идеологию во все сферы мировой политики. По мнению С. Хантингтона, США оказались менее других стран готовыми меняться, уступать, понимать и учитывать особенности остальных игроков, т.е. забыли, что и сверхдержаве необходимо стать частью глобализованного мира, а не управлять им извне на особых, самими же выработанных условиях [22].

Доктрина Обамы

Главными тревогами для американцев к концу деятельности администрации Дж. Буша-мл. были военные кампании в Ираке и Афганистане и экономические проблемы. И политический истеблишмент, и рядовых граждан также беспокоило то, что изменились не в лучшую сторону образ Америки в мире, позиции в сфере глобального управления, поэтому тезис о восстановлении американского глобального лидерства стал основным во время президентской избирательной кампании в 2008 г.

В заявлениях и программах кандидатов от обеих партий, а также в публикациях по внешнеполитической стратегии США обсуждали вопросы будущего мироустройства (новый статус-кво). Говорили о необходимости создания разного рода объединений под руководством Соединенных Штатов, основанных на приверженности демократическим принципам. В докладе-рекомендации Фонда «Наследие», ориентированного на Республиканскую партию, акцент был сделан на том, что следует выстраивать новую внешнеполитическую стратегию на базе наследия Р. Рейгана — президента, приведшего страну к победе в «холодной войне»: иметь сильную национальную оборону, не отказываться от бремени мирового лидерства, создать фронт по продвижению свободы и сделать ее распространение главной целью американской внешней политики [19].

Идею создания «концерта демократий» поддерживали неоконсерватор Р. Кейган и либерал И. Даалдер [25]. И демократы, и республиканцы призывали решительно взяться за институциональное

строительство, что позволило бы, по их мнению, более эффективно, чем военными средствами, защитить страну от внешних угроз и решить глобальные проблемы, являющиеся их источниками. Государственный секретарь в администрации Дж. Буша-мл. К. Райс заявляла: «...для нашей национальной безопасности жизненно важно, чтобы страны хотели и были в состоянии выполнять весь спектр своих обязанностей как суверенного государства внутри страны и за ее пределами. <...> Мы признаем, что демократическое государственное строительство является неотъемлемой частью наших национальных интересов» [38].

Х. Клинтон, борющаяся наряду со своим основным внутрипартийным конкурентом Б. Обамой за выдвижение своей кандидатуры на пост президента США от демократов, говорила о жизненной необходимости американского лидерства для остального мира, о стремлении к коллективизму при свободе выбора для сверхдержавы в использовании военной силы, о сохранении приверженности идее построения благоприятного для Америки мирового порядка. Х. Клинтон заявляла, что никогда не будет медлить с использованием силы для защиты американцев, территории и жизненно важных интересов страны [см., например: 12].

Б. Обама также делал акцент на идее восстановления американского глобального лидерства, желании воздействовать на другие страны положительным примером Америки (называя совершенство американской политической и экономической систем «мягкой» силой), сотрудничать с ведущими мировыми державами, сохранить приверженность стратегии демократического преобразования мира, нетерпимость к тирании и диктатуре, террористам и тем, кто стремится овладеть ядерным оружием [9; 37].

Несмотря на то что в американском обществе сложилась непростая социально-экономическая ситуация, демократическая администрация, пришедшая к власти в 2009 г., сделала выбор в пользу весьма дорогой глобальной стратегии, которая по содержанию и методам мало отличалась от традиционной американской политики, основанной на принципе преемственности, как идейной, так и функциональной.

Обращая внимание на этот факт, Э. Басевич писал, что кредо, которому Соединенные Штаты следовали после Второй мировой войны, было триединым: глобальное военное присутствие для достижения минимального международного мира и порядка; организация вооруженных сил таким образом, чтобы они были способны действовать глобально; глобальный интервенционизм, чтобы отражать существующие и предотвращать потенциальные угрозы. Это кредо — единство цели и практики — лежит в основе политики Вашингтона по управлению и поддержанию порядка в мире

в Американский век. Приверженность этому кредо обеспечивает сохранение консенсуса по вопросам международной деятельности США независимо от того, кто находится у власти в Вашингтоне (так называемый Вашингтонский консенсус). Так повелось со времени правления администрации Г. Трумэна, продолжается и при администрации Б. Обамы [8, р. 14—15].

Последняя не только не добилась решительных позитивных результатов в Афганистане и Ираке (что сделать очень трудно, если вообще возможно в сложившейся ситуации), но и продолжила военное вмешательство в жизнь стран Большого Ближнего Востока и Северной Африки, не оставляла без материальной и моральной поддержки Грузию, реализовывала программу создания глобальной ПРО, вела переговоры со странами Европы по вопросу использования их территории для отдельных компонентов этой системы. Сохранение глобального масштаба американской политики было отражено в обнародованных в 2010 г. внешнеполитических доктринальных документах.

В 2010 г. в ежегодном Обращении к стране Б. Обама заявил, что лидерство США способствует общей безопасности и процветанию всех людей. Соединенные Штаты действуют глобально, потому что их судьба соприкасается с судьбами тех, кто находится далеко за их пределами. Президент также сказал, что «США действуют именно так, а не иначе, потому что это правильно» [36].

Основы международной деятельности Соединенных Штатов были изложены в «Стратегии национальной безопасности США» 2010 г., призванной восстановить престиж страны и нейтрализовать негативные последствия политики республиканцев [32]. Положения этого документа мало отличаются от «доктрины Клинтона» или «доктрины Буша»: основные цели американской внешней политики — реализация стратегии глобального лидерства, обеспечение наиболее благоприятных, безопасных условий для США — остались прежними. Для документа характерна большая детализация положений, спокойный и ненаступательный стиль изложения.

Как и в предыдущих стратегиях, в «доктрине Обамы» было заявлено, что нет ни одной страны, кроме Америки, которая находилась бы в лучшем положении для осуществления лидерства в эру глобализации. В стратегии четко просматриваются два основных направления: обеспечение безопасности и распространение демократии в мире. Указано, что в эпоху многочисленных угроз, исходящих от государств, негосударственных акторов и «несостоявшихся государств», США будут поддерживать свое военное превосходство для обеспечения национальной и глобальной безопасности. Отмечено также, что безопасность и процветание Америки невозможны без опоры на общечеловеческие демократические

ценности, противостояния агрессии и несправедливости. В документе указано: «Мы не согласны с утверждением, что безопасность и процветание возможны без приверженности всеобщим правам и ценностям: демократия не только олицетворяет то лучшее, что мы имеем, она противостоит агрессии и несправедливости, и наша поддержка всеобщих прав имеет основополагающее значение для американского лидерства и остается главным источником нашей силы в мире» [32].

В стратегии основное внимание уделено обоснованию роли США в борьбе с международным терроризмом, стабилизации ситуации на Большом Ближнем Востоке, решении глобальных экономических проблем. Акцент сделан на необходимости сочетать военное могущество и дипломатию, важности убеждения и примера. Соединенные Штаты заявили об отказе от жесткого унилатерализма, стремлении договариваться с другими странами и действовать совместными, коллективными усилиями, а также о приверженности основным стратегическим приоритетам, сформулированным при администрации У. Клинтона.

В апреле 2010 г., за месяц до обнародования стратегии, администрация представила документ, получивший название «ядерная доктрина» [33]. В нем отмечено, что США являются недостижимым лидером по обычным вооружениям, поэтому с учетом изменившейся ситуации в мире (уменьшением ядерной угрозы по сравнению с периодом «холодной войны») они готовы снизить роль ядерного оружия в обеспечении собственной безопасности и ожидают аналогичных шагов от ведущих ядерных держав, прежде всего России и Китая. В ходе выступления в Праге в апреле 2010 г. Б. Обама заявил о том, что Соединенные Штаты будут стремиться к обеспечению международной безопасности без ядерного оружия. Его слова были восприняты (вернее, истолкованы СМИ) как новая программа Америки по достижению безъядерного мира. Однако Вашингтон при этом объявлял, что до тех пор, пока на планете остается ядерное оружие, США будут сохранять свои ядерные силы в качестве сдерживающего фактора. В «ядерной доктрине» отмечено, что Вашингтон будет рассматривать возможность использования такого оружия только в крайних случаях — при угрозе жизненно важным интересам страны, ее союзников и партнеров, предоставляя им эффективную ядерную защиту (*nuclear umbrella*) и одновременно усиливая потенциал неядерного сдерживания (противоракетной обороны и обычных ракет дальнего радиуса действия). Были подтверждены гарантии неиспользования ядерного оружия (*negative security assurance*) против стран, не имеющих его, подписантов Договора о нераспространении ядерного оружия, выполняющих взятые в соответствии с этим документом обязательства.

Тот факт, что новую антиядерную волну начали Соединенные Штаты (самая мощная военная держава), следует оценивать позитивно, но не ускользает от внимания то обстоятельство, что основу «ядерной доктрины» составила концепция перегруппировки военной мощи США и перекалибровки использования этой мощи [14].

В ноябре 2010 г. была обнародована новая стратегия НАТО, в которой также видна преемственность с прежними стратегиями и сделана заявка на дальнейшее усиление глобальности в деятельности организации. В документе, как и в «Стратегии национальной безопасности США» 2010 г., отмечено, что НАТО как самый успешный военно-политический союз продолжит политику по защите свободы и безопасности своих членов, сохранит приверженность общим ценностям — демократии, свободе личности, правам человека, уважению к закону [7].

Победу демократам на выборах 2008 г. обеспечило не в последнюю очередь требование американцев закончить войны за пределами страны и решить социально-экономические проблемы, которые приобрели характер почти неразрешимых. Военные расходы на наращивание американского присутствия и влияния в Евразии ложились тяжелым бременем на экономику США, сказывались на материальном состоянии рядовых американцев. Внутренние проблемы дополнялись внешними: неприятием политики Вашингтона большинством ведущих мировых держав, хотя прямых останавливающих действий они применить к США не могли (да и не желали). Однако по существующим законам развития мировой системы проблемы, ослаблявшие Америку и ограничивавшие ее действия, создавали благоприятные условия для усиления других центров силы. Так, именно в годы «холодной войны», когда две сверхдержавы все силы бросали на соревнование друг с другом, тратили колоссальные средства на поддержание своих сфер влияния и союзников, поднялись Китай, Индия и другие азиатские государства.

Военные действия в Ливии в 2011 г., которые сильно напоминали «войну до победы» при администрации Дж. Буша-мл. [42], и заявления о готовности поддерживать оппозиционные силы в борьбе за демократию против диктатуры не оставили иллюзий относительно того, какую форму реализации глобальной стратегии продолжила администрация Б. Обамы. Эта форма далека от лидерства.

Вновь была начат разговор о том, что делать сверхдержаве: продолжать политику в формате, который в разное время обозначали словами «глобальный полицейский (или шериф)», «премьер-министр в глобальном правительстве», «благожелательная империя», «незаменимая нация», «гегемон», или признать себя одним из центров силы и реально, а не на словах позволить другим державам участ-

вывать в формировании основ мирового порядка, пусть и не полностью соответствующего американскому видению¹.

К 2011 г. появились сомнения в том, что Б. Обама и его администрация привнесут в деятельность США что-то новое, отличное от предшествовавших администраций, и что он действительно выполнит все, что обещал.

Сохранить статус глобального лидера без перенапряжения сил можно двумя способами: разумно сократить сферу своей деятельности и, следовательно, тратить меньше средств или уменьшить расходы, вовлекая в реализацию своих планов других игроков, заставляя их финансировать предложенную программу. В последнем случае все участники должны получить свою выгоду, но основной выигрыш должен достаться главному организатору (лидеру). Соединенные Штаты пытаются утвердить именно такой формат отношений с ведущими мировыми державами и другими участниками мировой политики. Сложности, однако, возникают из-за того, что масштабы международной деятельности Америки существенно увеличились и продолжают расти, объектное поле американской стратегии выросло количественно и усложнилось качественно. Взятая на себя Соединенными Штатами роль глобального премьер-министра в глобальном правительстве, которое до конца не оформлено (его функции частично реализуют G8, G20, ООН, НАТО в совокупности со структурами ЕС), престижна, но и весьма затратна.

В мировом экспертном сообществе отмечают, что у США не осталось источников для покрытия своих гигантских долгов и дефицитов, кроме решительного сокращения внутренних и внешних расходов, повышения налогов, прежде всего корпоративных, и новых заимствований².

¹ Реалисты делали акцент на необходимости сосредоточиться на налаживании отношений (баланса) с ведущими мировыми державами, так как отдельные страны используют все возможности для решения своих внутренних и внешних проблем, играя на противоречиях между ведущими игроками, и это пагубно сказывается не только на Америке, но и на международных отношениях в целом. Л. Гелб высказал мнение, что только после того, как президент Б. Обама и его администрация осознают указанные реалии и построят свою стратегию с их учетом, можно будет считать, что национальная безопасность США находится в надежных руках [17; 23].

² О тревожных тенденциях в развитии мировой и американской экономики подробно пишет авторитетный российский специалист академик Н.А. Симония, который обращает внимание на очень высокие цифры долга США: доля в общемировой задолженности — 22,6%, государственная задолженность — более 12 трлн долл., а отношение госдолга к ВВП — от 95,2 до 96,8%. Впервые в истории Америки Министерство финансов начало продавать казначейские облигации с отрицательной ставкой (-0,55% годовых); банк «Goldman Sachs» подготовил дебютный выпуск бондов со сроком обращения 50 лет; США приступили к трансформации своих финансовых обязательств в 30-летние облигации [4; 28].

Однако Вашингтон, учитывая тот факт, что идея «незаменимости США» для остального мира, их ответственности за будущее других стран, права на демократическое преобразование еще очень сильна, начал новую фазу реализации стратегии смены режимов, оставляя мало надежды на то, что американская политика в обозримом будущем станет более экономной по средствам и масштабам.

Глобальное лидерство и мировой порядок

Проблема американской глобальной стратегии напрямую связана с вопросом о мировом порядке, поскольку реализация такой стратегии возможна при наличии соответствующей иерархии в структуре международных отношений, надлежащих международных организаций и норм, обслуживающих устремления лидера/гегемона, а также при отсутствии воли и потенциала у ведущих мировых держав противопоставить свои концепции мирового порядка и занять на международной арене позиции, отличные от тех, на которые их ставят США. Немаловажен вопрос о том, хватит ли у лидера/гегемона всех видов ресурсов (политических, военных, экономических, финансовых и природных) для сохранения господствующего положения, нейтрализации или подавления несогласных. Важно также, кто будет поддерживать США морально и материально, так как для глобального лидерства (и гегемонии) ни одна страна в мире пока не располагает полным объемом ресурсов, они исчерпаемы и ограничены даже у сверхдержавы.

После окончания эпохи биполярности фигурировали две основные концепции нового мирового порядка: американско-европейский проект однополярного (моноцентричного, или американоцентричного) мира и российско-китайская идея многополярности (полицентричности). В обеих парах (США — Европа, Россия — Китай) не было полной согласованности в подходах и понимании того, как именно должен выглядеть новый мировой порядок, но была общая приверженность одной из концепций. Их противостояние, однако, не дало осязаемых результатов ни одной из сторон: остатки старого порядка существуют и модифицируются, к ним добавляются новые структуры и нормы, что не дает Соединенным Штатам желаемого полного контроля над международными отношениями, а таким странам, как Россия и КНР, — желаемой весомой доли влияния в мирорегулировании. О Европейском союзе как коллективном центре силы следует говорить особо, так как в деле строительства мирового порядка отдельные его члены оказывают разное, не всегда конструктивное влияние на происходящее.

К концу первого десятилетия XXI в. от идеи однополярности отошли даже большинство ее американских авторов. Политологи

в США проводят исследования по проблемам, связанным с оценкой мощи ведущих мировых держав — центров силы и влияния и перспектив их деятельности, в том числе вероятности вызова Америке с их стороны.

Роль и возможность усиления влияния негосударственных игроков эксперты не отрицают, но утверждают, что в обозримой перспективе государственные акторы будут ведущими в мировой политике, поскольку в их распоряжении останутся основные механизмы регулирования международных отношений. Американский политолог Дж. Най признает, что информационная революция в принципе должна была уменьшить мощь и возможности преобладающего влияния крупных государств и усилить роль малых стран и негосударственных акторов. Однако на практике этого не произошло, так как информационная революция, помогая, безусловно, малым странам, одновременно укрепляет крупные государства, ведет к диффузии силы и влияния, но ведущие мировые державы сохраняют большие традиционные параметры и организационный ресурс по сравнению с государствами других уровней и негосударственными акторами [34, p. 117—118].

Характеризуя мировой порядок XXI в., на наш взгляд, следует отойти от употребления таких его определений, как «постбиполярный» и «пост-постбиполярный», поскольку они не передают сути происходящих процессов и их особенностей. Можно также уже не говорить о переходном периоде, так как переход осуществлен и происходит, на наш взгляд, консолидация нового порядка. Его структура полицентрична, иерархия среди государственных игроков не имеет прежней жесткости, но есть сверхдержава и великие державы разного качества, число негосударственных игроков продолжает расти. Институциональная основа также более фрагментированная. Организаций разного уровня и масштаба становится больше, но одновременно появляются структуры менее жесткие и юридически слабо оформленные, которые как бы воплощают идею «мирового правительства» (G20, «Давосский форум», Форум АТЭС и т.п.). Международные нормы имеют амбивалентный характер: в совокупности они содержат как старые принципы, так и новые. Различные игроки следуют им по-разному — соблюдают, нарушают или используют двойные стандарты.

Важнейший вопрос состоит в том, станет ли военная интервенция любого типа на территорию того или иного государства (по решению одной страны, группы держав или Совета Безопасности ООН) нормой международного права. Де-факто она существует уже почти 20 лет, но события 2011 г. придали этой норме в форме односторонних или коллективных действий особую значимость, поставив мировое сообщество перед реальным выбором: принять

такие действия или отказаться от них; признать или не признать глобальным регулятором международных отношений Североатлантический альянс, члены которого будут определять направление и содержание развития мира и отдельных стран.

В настоящее время в международных отношениях понизился порог применения силы (прямой и косвенной), о чем свидетельствовали операции НАТО в Ираке, бывшей Югославии, Ливии, а также силовые действия правительств отдельных стран, увидевших в действиях НАТО прецедент.

Решается судьба ООН и Совета Безопасности: действительно ли самая большая международная организация будет способствовать консолидации мирового порядка XXI в. на основе трансатлантических структур? Резолюция по Ливии, оставляющая двойственное впечатление, привела к эскалации нестабильности в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Оценивая происходящие в мире процессы и политику США, Э.Я. Баталов замечал, что стремление Вашингтона создать «глобальную либеральную империю» ведет не к гармонизации интересов, а к насильственному навязыванию воли более сильных членов мирового сообщества более слабым [1, с. 98—99]. В политике Соединенных Штатов просматривается желание продолжить действовать в стиле гегемонии (неважно, благожелательной или откровенно жесткой) и иметь под своим руководством мировой порядок, позволяющий реализовывать именно американскую концепцию либерально-демократического мира.

Внешняя политика Соединенных Штатов интересна тем, что все администрации конца XX — начала XXI в. заявляли о глобальном лидерстве США, однако говорить о его существовании неправомерно. Это не означает, что все действия Вашингтона следует оценивать как плохие, неверные, бесполезные или безрезультатные, но вопрос в другом: насколько проводимая США политика глобального охвата способствует стабилизации мировой системы, предсказуемости ее эволюции, снижению конфликтности на разных уровнях, успешному решению глобальных проблем, положительному выравниванию позиций различных государств, уважению, а не подавлению, интересов отдельных стран.

Лидерство характеризуется не просто способностью проводить глобальную политику, но и востребованностью этой политики теми, кого лидер собирается за собой вести. Гегемония навязывается без согласия «остальных», но глобальное лидерство должно быть признано жизненно важным для развития всех стран мира. На наш взгляд, такой потребности в американском лидерстве пока нет, поскольку ведущие мировые державы вполне справляются с регулированием

ситуации на глобальном, макро- и микрорегиональном уровнях, имеют четкое представление о том, куда и как идти³.

Деятельность Соединенных Штатов выглядит амбивалентной: объявляя о своей ответственности за положение дел в мире, в любом отдаленном уголке планеты, они немало сделали для усложнения ситуации в отдельных регионах и странах, затруднили жизнь многим государствам, в том числе ведущим мировым державам. Так называемое американское лидерство привело к новой гонке вооружений, в которой США добиваются недостижимого превосходства (в настоящее время Америка — по-прежнему лидер по военным расходам и производству новых видов ОМУ), закреплению нормы гуманитарной интервенции с использованием вооруженных сил.

Задача ведущих мировых держав в XXI в. состоит в том, чтобы гармонизировать отношения в новом управляющем ядре, добиваться совместимости интересов и политик. **В этом лидер не нужен.** Необходим разумный коллективизм, который не исключает соперничества и конкуренции. Мир уже живет без лидера — США, но в американском политическом и академическом сообществе этого признавать не хотят.

* * *

Анализ концептуального обеспечения международной деятельности Соединенных Штатов после окончания периода биполярного порядка показывает, что национальная стратегия остается неизменной по целям и задачам, масштабам и методам, хотя меняются акценты и тактика действий. Террористические акты 2001 г., с одной стороны, актуализировали глобальные замыслы сверхдержавы, а с другой — положили начало ряду процессов в мире, которые будут набирать силу и не обязательно обеспечивать благоприятную для США международную среду.

³ Обсуждая современное состояние международной системы, можно вспомнить один из постулатов теории К. Уолтца, согласно которому анархия не является чем-то негативным для международной системы, а даже имеет ряд преимуществ перед иерархией (особенно гегемонистского типа). К. Уолтц указывал на то, что это самый дешевый способ организации: нет управляющей бюрократии и специальной инфраструктуры. Анархия более безопасна, так как не создает оснований для унитарного владения рычагами глобального управления. Это наиболее гибкий способ организации сообщества, позволяющий государствам по мере необходимости создавать наднациональные органы управления и координации. Международные отношения XXI в. во втором его десятилетии уже имеют элементы новой организации, хотя их действие напоминает упорядоченную анархию, когда задействован потенциал самосохранения системы, нет катастрофического скатывания к полной разбалансировке. В этой ситуации гегемония США может существующий баланс нарушить и сильно усложнить и удорожить жизнь всем членам мирового сообщества [см.: 41; 5].

Очень многое будет зависеть от характера дальнейшего формирования иерархии среди ведущих мировых держав, поведения Китая как крупнейшего евроазиатского государства, развития России и интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в Центрально-Восточной Азии. Важный вопрос состоит также в том, удастся ли США и НАТО поставить под реальный контроль развитие ситуации в так называемой Большой Центральной Азии и на Большом Ближнем Востоке и как скажется политическая и экономическая дестабилизация в странах региона, где Вашингтон осуществляет военные и иные операции по демократизации, на ситуации в Евразии в целом, на мировой и региональной экономиках и самих США, находящихся в тяжелом финансовом положении.

По мнению американских либеральных политологов, Соединенные Штаты должны добиться заключения контракта на лидерство с ведущими мировыми державами, что обяжет последние помогать и способствовать реализации планов Вашингтона по преобразованию мира. Однако американская внешнеполитическая практика укрепляет среди ведущих стран убеждение в том, что контракт на условиях США не очень им выгоден и не очень нужен, так как перекладывает на их плечи последствия действий американского руководства (в том числе ошибочных) и затраты на их преодоление. Более привлекательной выглядит перспектива регионального взаимодействия и управления без США.

Соединенные Штаты вряд ли изменят свою наступательную и преобразующую национальную парадигму — это следует помнить. Выход для каждой из ведущих мировых держав состоит в том, чтобы минимизировать негативные последствия, появляющиеся в сфере экономики и безопасности для страны и региона, где у нее первоочередные интересы, стремиться к большей согласованности в проведении региональной и глобальной политики с другими великими державами, рационально просчитывать все плюсы и минусы принимаемых решений, в том числе относительно действий и предложений США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баталов Э.Я.* О философии международных отношений. М., 2005.
2. *Богатуров А.Д.* Политический спазм в глобальном масштабе // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3. С. 4—15.
3. Российско-американские отношения и выборы в США и России в 1999—2000 гг. / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М., 2001.
4. *Симония Н.А.* Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3. С. 16—30.
5. *Шаклеина Т.А.* Американская стратегия и статус-кво в международных отношениях // Второй срок администрации Буша: старые проблемы и новые подходы / Отв. ред. Т.А. Шаклеина. М., 2006. С. 8—24.

6. *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады РАН, 2002.
7. Active Engagement, Modern Defense. Strategic Concept for the Defense and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization adopted by Heads of State and Government in Lisbon. Lisbon, Portugal, 19—20 November 2010 [Electronic resource] // NATO [Official website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm (accessed: 15.12.2010).
8. *Bacevich A.J.* Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y., 2010.
9. Barack Obama's Foreign Policy Speech. October 2, 2007 [Electronic resource] // Council on Foreign Relations [Official website]. URL: <http://www.cfr.org/publications/14356> (accessed: 15.07.2011).
10. *Betts R.* The Political Support System for American Primacy // International Affairs. 2005. Vol. 81. № 1.
11. *Brzezinski Z.* Second Chance. Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N.Y., 2007.
12. *Clinton H.* Security and Opportunity for the Twenty-first Century // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86. № 6 [Electronic resource] // Foreign Affairs Online [Official website]. URL: www.foreignaffairs.org/20071101faessay86601 (accessed: 15.07.2011).
13. *Conroy B.* U.S. «Global Leadership». A Euphemism for World Policeman. CATO Institute Policy Analysis. № 267. February 5, 1997 [Electronic resource] // CATO Institute [Official website]. URL: <http://www.cato.org/pubs/pas/pa-267.html> (accessed: 15.07.2011).
14. DOD News Briefing with Secretary Gates, Navy Adm. Mullen, Secretary Clinton, and Secretary Chu from the Pentagon. April 6, 2010 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=4599> (accessed: 12.09.2010).
15. *Encarnacion O.* The Follies of Democratic Imperialism // World Policy Journal. 2005. Vol. XXII. № 1. P. 47—60.
16. *Fulbright J.W.* The Arrogance of Power. N.Y., 1966.
17. *Gelb L.* Policy Isn't Just Analysis // The American Interest. 2010. Vol. V. № 3 [Electronic resource] // The American Interest Online [Official website]. URL: <http://www.the-american-interest.com/contents.cfm?MIId=30> (accessed: 18.07.2011).
18. *Hendrickson D., Tucker R.* The Freedom Crusade // The National Interest. 2005. № 81. P. 12—21.
19. *Holmes K.R., Nau H.R., Zakheim D.* Liberty's Best Hope: Why American Leadership is Needed for the 21st Century. March 4, 2008 [Electronic resource] // Heritage Foundation [Official website]. URL: <http://www.heritage.org/Research/Lecture/Libertys-Best-Hope-Why-American-Leadership-Is-Needed-for-the-21st-Century> (accessed: 10.09.2008).
20. *Howard M.* What Friends Are For? // The National Interest. 2002. № 4. P. 8—10.
21. *Huntington S.* The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. № 2. P. 35—49.
22. *Huntington S.* Dead Souls. The Denationalization of the American Elite // The National Interest. 2004. № 75. P. 5—18.
23. *Ikenberry J.* The Right Grand Strategy // The American Interest. 2010. Vol. V. № 3 [Electronic resource] // The American Interest Online [Official

- website]. URL: <http://www.the-american-interest.com/article.cfm?piece=760> (accessed: 18.07.2011).
24. *Kagan R.* Iraq and Averages // The Washington Post. October 4, 2004.
 25. *Kagan R., Daalder I.* The Next Intervention // The Washington Post. August 6, 2007.
 26. *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. 2002/2003. № 1. P. 5—17.
 27. *Layne Ch.* The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present. Ithaca, 2006.
 28. *Mandelbaum M.* The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era. N.Y., 2010.
 29. *McFaul M.* The Liberty Doctrine // Policy Review. 2002. № 112. P. 1—24.
 30. National Security Strategy of the United States of America, The White House, 2002 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002.html> (accessed: 15.07.2011).
 31. National Security Strategy of the United States of America, The White House, 2006 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006.html> (accessed: 29.11.2010).
 32. National Security Strategy of the United States of America, The White House, 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2010> (accessed: 15.12.2010).
 33. Nuclear Posture Review Report. U.S. Department of Defense. April 2010 [Electronic resource] // U.S. Department of Defense [Official website]. URL: <http://www.defense.gov/NPR/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf> (accessed: 18.09.2010).
 34. *Nye J., Jr.* The Future of Power. N.Y., 2011.
 35. *Podhoretz N.* Strange Bedfellows: A Guide to the New Foreign-Policy Debates // Commentary. 1999. Vol. 108. № 5. P. 19—31.
 36. Remarks by the President in State of the Union Address. U.S. Capitol. January 27, 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-state-union-address> (accessed: 03.02.2010).
 37. Remarks of Senator Barack Obama to the Chicago Council on Global Affairs. April 23, 2007 [Electronic resource] // The Chicago Council on Foreign Relations [Official website]. URL: http://www.thechicagocouncil.org/dynamic_page.php?id=64 (accessed: 18.09.2010).
 38. *Rice C.* Rethinking the National Interest. American Realism for a New World // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. № 4 [Electronic resource] // The Foreign Affairs Online [Official website]. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20080701-faessay87401> (accessed: 14.09.2008).
 39. The State of the Union Address by the President of the United States. Congressional Record. House. Tuesday, January 29, 2002. 107th Congress, 2nd Session. 148 Cong Rec H 98. Vol. 148. № 5. P. H100.
 40. *Tucker R.* The End of Contradiction? // The National Interest. 2002. № 4. P. 5—7.
 41. *Waltz K.* Theory of International Politics. Readings: Addison-Wesley, 1979. C. 11—14.
 42. *Woodward R.* Bush at War. N.Y., 2002.